

Бухта Провидения

Рассказ

Завтра будет солнечное затмение. Тень Луны коснётся Земли именно здесь, на Камчатке и Чукотке, пересечёт Берингов пролив, затем пройдёт вдоль берегов Аляски и достигнет севера Канады. Полярники, учёные, просто местные жители – пассажиры северной трассы Аэрофлота – все спешат. Кто домой, кто на работу, кто увидеть затмение. Но Север не был бы Севером, если бы не вносил свои неожиданные коррективы в планы и мечты каждого, кто оказывается здесь.

Люди уже неделю сидят в Анадыре и каждые два часа слышат одно и то же: «Рейс „Анадырь – Провидения“, вылет задерживается по метеоусловиям». Рейс „Анадырь – Магадан“, вылет задерживается по метеоусловиям... Рейс...» И так по всем направлениям. Волей-неволей начинаешь вникать в тонкости новой для тебя науки – метеорологии. А вдруг сподобишься и выведаешь какую-нибудь жуткую тайну про погоду, которая наступит через трое или даже пятеро суток. По крайней мере, не нужно будет всякий раз просыпаться и вслушиваться в шёпот старого репродуктора, торчащего на грязной стене в углу зала.

Слово «сидят» не совсем правильно отражает действительность. Большинству устроиться просто не на чем. А те, что чудом примостились на двух десятках стульев, сидят, не вставая, с жутким упором на крестец, образуя туловищем тупой угол – лишь бы вытянуть ноги. Если встанешь и уйдёшь в туалет – всё! Место потеряно. Ночью, чтобы кровь хоть немного отхлынула от ног, люди аккуратно их

приподнимают и прилаживают на плечи и спину тех, кто сидит впереди, после чего тут же засыпают. Сбоку это похоже на замедленную запись организованного скандирования болельщиков на футбольном матче, когда те по очереди встают «волной», поднимая руки вверх, и затем в обратном порядке садятся на свои места. Утром, когда все просыпаются от потрескивающего шума очередного объявления, на тёмном фоне пальто или курток сидящих в «партере» хорошо видны светлые следы каблуков. Но на них никто не обращает внимания.

Многие ложатся прямо на холодный каменный пол, подстелив газетку и с наслаждением вытянув ноги. Кто-то успевает занять место в кабинке, где днём продаются билеты. Там пол деревянный, а фанерные перегородки немного спасают от жуткой смеси запахов дешёвого алкоголя из местного буфета и давно не снимаемых ботинок, сапог, носков и портянок.

Утром, кто не из «партера», хотя бы может выйти наружу и погулять вокруг деревянного двухэтажного здания аэропорта. Но удивительно – он не видит красок окружающей природы, не чувствует свежести воздуха, всё кажется ему каким-то серым и затуманенным, будто Луна, не дожидаясь своего часа, уже заслонила собою яркие солнечные лучи. На самом деле это срабатывает охранный механизм. Постоянная неопределённость и осознание того, что выхода нет, не позволяют включиться всем человеческим рецепторам. Организм сам, чтобы не расслабляться перед продолжающимся испытанием, затушёвывает яркие краски, сглаживает рельефы местности, создаёт вокруг себя нечто наподобие невидимой оболочки. Отчётливо слышен только рёв двигателей взлетающих и садящихся поблизости боевых истребителей. Военным всё нипочём. Погода – непогода, они летают всегда.

На полу, в дальнем углу зала, устроились двое мужчин. Один – химик, белобрысый худощавый парнишка, семь дней назад он защитил диплом, попал по распределению в Арктический институт, а оттуда его срочно послали в экспедицию.

Второй – электронавигатор. Постарше, с брюшком, явно женатый и ухоженный. Он уже десять лет живёт на Севере со своей семьёй, но в этот раз летит тоже из Ленинграда, где получил инструкции по поводу предстоящего ледового патруля в Чукотском море. Вообще-то, в северной столице он был проездом, возвращался из отпуска с юга, где по обыкновению спускаются деньги, заработанные за Полярным кругом.

Они сидели на искусственной «полянке» из полностью развёрнутой «Ленинградской правды», уплетали подсохшие домашние бутерброды с краковской колбасой и рассматривали карту зоны предстоящего ледового патруля. Взгляд химика случайно упал на газетную чёрно-белую фотографию около кулька с провизией. Там было показано географическое положение полосы полной фазы затмения солнца, которое завтра должно произойти. Тёмная полоса каким-то странным образом почти полностью совпадала с зоной предстоящего плавания, отмеченной пунктиром на карте электронавигатора. Начинаящего полярника это удивило, насторожило и даже чем-то напугало. По крайней мере, он прекратил жевать, но вслух так ничего и не сказал.

Завтра затмение. Уж его-то никто и ничто не отменит. Наверное, именно поэтому в аэропорту началась суматоха. Срочно, несмотря на непогоду, стали готовить самолёт для учёных из Пулковской обсерватории. За прошедшую неделю астрономы прекрасно освоились здесь, в вынужденном пристанище обделённых Провидением пассажиров. А теперь, видите ли, им надо! Вспомнили! Военные ведь летают... Значит, и им можно. Логика, надо сказать, убийственная в прямом смысле этого слова.

Электронавигатор был полярником со стажем. Ему частенько приходилось летать по маршруту Амдерма – Тикси – Диксон – Анадырь. Он знал, что в экстремальных ситуациях всегда лучше хотя бы внешне, но походить на начальника. Вот и сегодня блестящая лысина и аккуратная бородка, белая сорочка и модный полосатый галстук позволили ему нагло влезть на борт, готовящийся к отлёту. Толкая перед собой молодого специалиста с чемоданами и

пробираясь через толпу удивлённых астрономов, он не забывал время от времени с важностью в голосе бросать: «Товарищи! Мы завтра наблюдаем затмение с судна в Чукотском море. Колоссальная ответственность, колоссальная!»

Маленький самолёт, вместивший в себя пятнадцать человек и десяток коробок со свежими яйцами, легко, почти не разбегаясь, взмыл над землёй и через мгновение поднялся над непозволительно низко плывущими сплошными тёмными облаками. В иллюминаторы ударило яркое солнце. Оно будто прорвало бесконечную череду повторяющихся изо дня в день событий. Словно всё, что происходило до этого, скрывалось за какой-то пеленой и потому казалось серым или чёрно-белым.

Через час все разом прильнули к иллюминаторам. Внизу был виден заполярный посёлок, расположившийся у самого подножия заснеженных гор. Они почти со всех сторон окружали лазурного цвета бухту Провидения. После аэропорта в Анадыре – это прямо Сочи! Те же краски, такие же горы и в воздухе запах моря. Только само море – холодное и не такое солёное, хотя в это время года оно точно так же передаёт все цвета яркого северного неба. Небольшой белый кораблик стоял у причала порта и изящно дополнял чудесную картину.

Наконец-то собралась вся команда ледового патруля. Теперь месяцев на пять их домом будет это хрупкое на вид судёнышко с незатейливым названием «Маяк». В то утро все готовились к отплытию и даже забыли про затмение. Природа сама о нём напомнила. Вокруг потемнело, как в вечерние сумерки, солнечный серпик, заслоняемый чёрной Луной, постепенно исчезал. На прощание он вспыхнул бриллиантовым кольцом и зажгёт мерцающее ожерелье. Стали видны звёзды. Прошла минута, другая, и яркое солнце вновь вернуло лазурный цвет северному морю. Природное таинство ушло так же внезапно, как и появилось. А белый кораблик, не спеша, словно подчёркивая свою значимость, отошёл от причала.

Матросов и членов экспедиции – курсантов морского училища – гидрологов, океанологов и студентов-химиков

разместили в больших каютах на носу, начальство – ближе к корме, молодой специалист и электронавигатор, уже как старые знакомые, поселились в двухместной каюте, посередине. Началась работа. Одни только теперь вернулись к полноценной жизни. Дома, в семье чувствовали себя как бы не в своей тарелке, кем-то наподобие досрочно демобилизованного офицера или вышедшего на свободу рецидивиста. Другие – «счетоводы», сразу же принялись рисовать календари, считать дни, оставшиеся до возвращения, а заодно и деньги, которые они получают после экспедиции: оклад, полевые, штормовые, гробовые, да ещё коэффициент – два – за то, что корабль с портом приписки: Бухта Провидения.

Прошла неделя. Пока не видно крошки льда, нет сильных ветров и не нужно бороться с обледенением верхней палубы. Только зыбь. И, тем не менее, почти для половины членов экспедиции все красоты Севера уже померкли. Морская болезнь. В гидрохимической лаборатории, площадью два на три метра, кроме молодого специалиста из Ленинграда – он же «старший химик», трудились ещё два студента какого-то училища. Эти двое жили в большой каюте вместе с гидрологами. По работе ночью химикам приходилось просыпаться реже, только во время остановок судна. Поэтому они занимали верхние койки.

От постоянной качки спать было невозможно. Висящие на крючках цветастые занавески со скрежетом двигались по металлическому карнизу, прикреплённому к потолку. Они ходили снизу вверх и обратно, соответственно ритму бортовой качки. Внезапно добавилась килевая, и теперь занавески начинали ещё и раскачиваться. То влево, то вправо. То влево, то вправо... Иногда это прекращалось, ломая привычную гармонию приступов тошноты, затем возобновлялось вновь с ещё большей силой. В свободное от вахты время электронавигатор обычно сидел за столом, курил крепкие сигареты и тонкой раскалённой иглой на моржовых клыках выжигал рисунки из чукотского эпоса.

На корме, в кают-компании, где питаются начальники, хоть и меньше качает, зато тошнота подбирается исподволь

и незаметно. Не уследишь. Лучше уж по-быстрому принять пищу в компании с матросами. Тем более что это ближе к собственной каюте. Тарелка с супом и кусок всегда мокрого серого хлеба в левой руке, ложка – в правой. Всё съедается за минуту. Добавка – перевод продуктов, второе блюдо – то же самое. Важнее скорей принять горизонтальное положение. Тогда хоть что-нибудь успевает усвоиться.

Обычно лежишь минут десять. Больше не выдержать. Нужно бежать в гальюн. Не на палубу, как это иногда красиво описывают в книгах, а именно в гальюн. На палубе вслед за недавно поглощённым обедом сам свалишься за борт. А здесь милое дело. Никуда не упадёшь, никто не видит. Но всё же и тут, чтобы не обрызгаться, нужно знать, когда именно наклоняться над отверстием. Это приходит не сразу, а только с опытом – по наитию, по знакомому сочетанию звуков мотора и бурления в трубах, когда всем телом ощущаешь скорость падения носа судна с верхушки очередной волны.

Теперь «домой», на койку.

Иллюминаторы задрасны. Двери во всех каютах раскрыты, дабы поступал хоть какой-нибудь воздух. Увы! Быстрее доходит тот, что из машинного отделения. И ведь что примечательно! Всё это не закончится через час или, к примеру, завтра. Это будет и послезавтра, и через месяц, и через два...

Прошло два месяца. Содержание жизни сводилось к тому, чтобы любыми способами искать кромку льда и сообщать о ней всем судам; попутно вести научные изыскания: на разных глубинах замерять скорость течения, загрязнённость нефтепродуктами, определять температуру, солёность воды, содержание кислорода, кремния и других химических элементов. Потом на основе этих цифр географы будут делать многообещающие научные выводы.

Побывав в северной части Берингова моря, сделав почти полсотни остановок для замеров, судно ненадолго вернулось в посёлок Провидения. Пополнили запасы пресной воды, топлива, получили пачки накопившихся за это время писем и уже через два дня, так и не успев отвыкнуть

качаться при ходьбе, опять очутились в центре циклона, теперь на границе Восточно-Сибирского и Чукотского морей, около острова Геральд. Нужно было решить, что делать дальше. Никаких приказов нет. Обозначенная пунктирной линией зона на карте – всего лишь рекомендация. Члены экспедиции, временно на пять-шесть месяцев прикомандированные к гидрологическому судну «Маяк», наконец-то закончили своё «заседание». Семь человек: гидрологи, химики и океанологи вместе с демократически настроенным молодым начальником экспедиции думали, что делать? Оставаться на месте или идти в море Бофорта?

С одной стороны, так приятно стоять на якорё посередине пролива Лонга между островом Врангеля и Большой Землёй. Глубина всего тридцать-сорок метров. Это значит: раз в пять часов нужно взять пробы воды с шести горизонтов для замеров. И всё! И так два месяца. Ни тебе качки, ни тебе... Да, в общем, это главное. Наверняка, потом можно будет вставить результаты измерений в сложные формулы, якобы описывающие нюансы различных течений в этом симпатичном месте, и внести определённый вклад в изучение Арктики.

Кроме того, погода – прелесть! Днём повсюду яркие краски: лазурное море и голубые касатки, матовые моржи и блестящие тюлени. Ночью – северное сияние. Не грех высадиться на недельку в устье какой-нибудь речушки, наловить лосося, настрелять уток. Потом всё это, соответственно, насолить, нажарить. Одной икры наешься на всю жизнь...

А что с другой?

Резко взять вправо, потом на север, проверить, далеко ли кромка льда, и – полным ходом в море Бофорта. А уж там! Над Аляской и Канадой – раздолье для романтики и науки. Во-первых, сюда после 15-го сентября лоция заходить не рекомендует. Никто и не заходил. Опасно. Лёд подойдёт к мысу Барроу и закроет выход из моря. Во-вторых: глубины! Три тысячи метров. То есть в сто раз больше. Никаких бутылочек не хватит для сбора проб воды. Придётся работать практически постоянно, ломая все вахты.

Конечно, раз льда нет, значит, будет нещадно качать, и тут не до романтики, но всё-таки...

Они рассуждали долго, хотя с самого начала все были за подвиг. Четверо сидели прямо на полу. Трое – за столом. Первым казалось, что так меньше укачивает. Они по-очереди убегали, возвращались, снова выбегали...

Решили плыть на север – посмотреть, далеко ли кромка. А потом опять думать. Оказалось – далеко. Раз так – ничего не поделаешь. Романтика Севера и долг полярного исследователя оказались сильнее физиологии. Тем более, как выяснил старший химик, во время недавнего солнечного затмения именно эту акваторию накрыла тень от Луны. Вроде простое совпадение. Но оно манило, в нём было что-то мистическое.

Впрочем, неудивительно, что на это совпадение обратил внимание именно химик. Химия тоже сплошная магия. Если взять и осторожненько заглянуть в судовую гидрохимическую лабораторию... Вдруг кому взбрѣдет в голову такая шалость – подышать парами аммиака или соляной кислоты, то первое, что бросится в глаза – пластмассовые бутылочки. Сотни маленьких ёмкостей, наполненных водой с различных горизонтов. Они повсюду – на полках, на столах, на палубе, в карманах висящих на гвозде прожжённых кислотой непонятного цвета халатов. Где-то посреди всего этого сгорбившийся, лохматый колдун-химик. Ему не хватает только большого чёрного капюшона. Он всасывает из бутылки ртом через стеклянную пипетку одну жидкость, а через секунду в стоящее на полу ведро еле успевает выплевывать совсем другую. Если качка продолжается всю вахту, то его глаза уже не видят показания фотокolorиметра, а пересекающиеся на маленьком экране светлo-зелѣные полосы вдруг начинают трястись, мигать и превращаются в одно сплошное серое пятно.

Выполняя решение коллектива единомышленников, «Маяк» исходил «иностранное» море Бофорта вдоль и поперек, дошёл даже до устья реки Маккензи. Вдруг, никому ничего не объявляя, капитан повернул обратно, в родное Чукотское море. Почему? Может, испугался американского

самолёта, который вчера три часа кружил вокруг над обиженным жизнью судёнышком и помахивал крыльями? Чего бояться? Они в нейтральных водах. Больше, наверное, «америкосы» припухли, обнаружив поздней осенью маленький кораблик русских вблизи северного берега Аляски. «Зачем? Идиоты! Ведь логия интернациональный документ. Там ясно сказано. Что теперь делать с этими русскими, если им придётся зимовать на льду?»

Всё оказалось и проще, и сложнее. Заболел боцман. Его горло воспалилось так, что невозможно было дышать. Врача нет. Проконсультироваться по радио невозможно, связь в этих местах не работала. Пришлось развернуться и полным ходом идти к Берингову проливу. Надо сказать, вовремя. Еле успели проскочить. Лёдовая кромка уже почти вплотную подпирала мыс Барроу. Не заболеет боцман – и мистическая научная авантюра закончилась бы вынужденной зимовкой. А это совсем не входило ни в планы экспедиции, ни в планы её отдельных участников.

И надоело уже, честное слово. Пять месяцев одно и то же! Сухая картошка, борщ из банки, вечно мокрый хлеб с солёным лососем. Мечтали о неподвижной земле, о живом разговоре по телефону с родными, о жареном поросёнке. Рано утром аромат жаренного на масле хлеба собирал у камбуза и тех, кому заступать на вахту, и тех, кому ещё спать и спать. Один из матросов перед началом «собачьей» вахты из мокрого хлеба готовил гренки. Много! На всех хватало.

Этим утром никто не спал, и было не до гренков. Ждали подхода к большому кораблю, который должен был забрать боцмана. Ждали увидеть и услышать хоть что-нибудь новое и непривычное, остро востребованное всем естеством людей, месяцами блуждающих по Северному-Ледовитому океану практически без радиосвязи. Об изменениях в мире можно было судить только по американской карте ледовой обстановки, которую электронавигатор ухитрился бесплатно перехватывать, когда «Маяк» проходил рядом с берегом Аляски.

Голос капитана большого судна был именно тем, чего ждали. Он ворвался в рулевую рубку откуда-то сверху, сбо-

ку и даже снизу, и всем показался безразличным, сиплым и пропитым. От него сквозило обыденностью, и потому он вселял уверенность и спокойствие. Сразу чем-то напомнил размеренную жизнь на суше.

– Подходи слева, что ли, не бойся, тебе говорю.

– Ничего себе, «не бойся», – вслух произнёс рулевой.

Действительно, только столкнулись бортами, сразу одна из двух шлюпок разлетелась в щепки. Да и что значит – бортами? Это у Маленького борт, а у Большого – тридцатиметровая стена из металла, вся напичканная светящимися иллюминаторами. Какая-нибудь пятая или десятая палуба махины ещё на одно мгновение поравнялась с уже прилично покорёженной, самой верхней палубой «Маяка». Боцман сам стоял около перил. Его только чуть поддерживали двое матросов. Он сделал шаг и именно в этот миг его подхватили за руки и втащили на железный корабль. В ту же секунду оттуда полетели блоки болгарских сигарет и маленькие мешки с японским репчатым луком. Все знают, что у этих, с ледового патруля, никогда ничего нет. Наверняка уже съели все припасы, кроме сухой картошки и солёной лосося. Арктические отшельники. Живут сами по себе, идут куда захотят, заходят в порт раз в три месяца. Главное, они передают, где лёд. Это всем нужно. Их жалели и уважали.

Теперь пора домой! Но шторм в который раз навалился с новой силой, не позволяя развернуться. «Маяк», нацелившись прямо на север, уже вторые сутки беспомощно надрывался, продолжая максимально эксплуатировать все свои силовые установки. Этой мощности как раз хватало на то, чтобы вопреки восьмибалльному ветру оставаться на одном месте.

Капитан дважды решался пойти на риск, пытаясь вернуть судно, но тщетно. Объявлялась тревога, и под громкие прерывистые гудки все зачем-то надевали ватники, ушанки, тёплые сапоги, брали с собой документацию, красиво расшитые тапочки из нерпы – подарки питерским родственникам, и выходили на качающуюся во все стороны, заливаемую ледяной водой палубу.

Необъяснимый феномен! Все прекрасно понимали, что пять минут вне судна – и конец. Вода – минус семь градусов, в ней дольше не продержишься. Причём тут тёплые вещи? Даже летом, в спокойную солнечную погоду команде понадобилось двадцать минут, чтобы выловить простой деревянный ящик, специально, для тренировки брошенный за борт. Тем не менее, и команда, и экспедиция покорно продолжали играть «в спасение».

Рано утром все проснулись от того, что не качало. Судно стояло на якоре около берега, прикрытого от шторма огромной скалой. Это ночью старпом, никого не предупредив, взял да и развернул судно кормой к ветру. Через пять часов оно успешно миновало мыс Дежнёва, остров Ратманова и, «увидев» скалу Фэруэй, сначала спряталось в узком проливчике, а после вошло в бухту Провидения и стало на рейде. Вот уж действительно – «победителей не судят»!

Когда не качает, сразу хочется есть. Человек пять выбрались на палубу, нашли под брезентом закреплённые бочки с солёными огурцами и капустой и принялись уплетать всё это без хлеба. Другие потянулись на камбуз за подаренным японским репчатым луком. Как постепенно выравнивается давление в отсеках подводной лодки, так и вытравленные нескончаемой качкой внутренности людей требовали немедленного замещения надоевшего ежедневного рациона на что-то острое и свежее. Такое же, как окружавшая их природа после утихшей бури.

Сразу куда-то подевались одинаковые серые краски моря и неба, постоянный запах солянки, консервов и вездесущего желудочного сока. Это жуткое месиво преследовало здесь всё время. В июле Солнце, прикрытое Луной, сюда не светило только две минуты. А им, чтобы обойти «водную гладь», отмеченную затмением, понадобились месяцы мучений. Теперь, выйдя наконец-то из этого заколдованного круга из трёх северных морей, все будто пробудились от спячки. Словно затмение прошло только сейчас. В глазах появился блеск, тут и там слышалась живая речь. Это верный признак – вернулось зрение.

На фоне бирюзового моря вдруг обнаружили яркие тёмно-синие краски скал, пока ещё сливающихся с небом. Иногда между быстро скользящими прямо над морем тяжёлыми облаками на мгновение мелькало Солнце. Тогда всю эту синеву с неба пронзали множество расходящихся лучей света, берег и вода насыщались тёплыми оранжевыми тонами, становились дружелюбными и влекущими к себе. Ветер, однако, и не думал успокаиваться. В узкой расщелине среди прибрежных скал он срывал с поверхности чуть присмирившего моря толстый слой воды, образуя дымку из миллиардов брызг. Но создать волны здесь ему было не под силу.

Настало время для особого ритуала. Спотыкаясь с не привычки от сильного ветра, держась друг за друга, чтобы не снесло за борт, на палубу выползли «зомбированные инопланетяне». Бледные, пахнущие реактивами и блевотиной, в ушанках и ватниках, в домашних тапочках, надетых на шерстяные носки, в прожжённых кислотой синих, обвисших на коленях физкультурных штанах. Продвигаясь гуськом к борту судна, химики волочили за собой тяжёлые с металлическими углами ящики из-под лабораторной посуды и израсходованных химикатов. Через мгновение они как по команде подняли их над собой и с безразличными лицами развели руки. Чёрные ящики, как последний символ пережитого, улетали прочь, уносимые невидимой силой.

Под конец экспедиции всегда почему-то вспоминают о химиках. Может потому, что всё это время их почти никто не видел. Кто это? Явно не матросы, не гидрологи и не океанологи! Вряд ли это те, кто в детстве мечтал о море, шторме и путешествиях. Сюда, на край Земли, их забросил случай, распределение после окончания вуза или просто поиск быстрых денег. Хорошо, если в самом начале самостоятельного жизненного пути эта экспедиция не станет случайным коротким затмением, а запомнится событием ярким и важным. После ещё не раз придётся испытывать себя на прочность. Когда знаешь свой предел, всегда легче.